

УДК 902
ББК 63.4

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА: РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ПОЛЯХ НОВЫХ КНИГ

Риер Яков Григорьевич

Доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории
Могилевский государственный университет им. А.А.Кулешова, Беларусь, Могилев
e-mail: rier47@tut.by

Анализируются особенности рассмотрения средневековой истории России в недавно изданных двух обобщающих монографиях: История России в 4-х томах. Т.1 (М. 2018) и Новая имперская история Северной Евразии. Т.1. (М. 2017). Высказываются суждения о формах изложения фактического материала и подходах к их оценке. Основные замечания связаны с представлениями о славянской общине в первой из монографий и ограниченностью сопоставлений с общеевропейским историческим контекстом. Общий вывод: несмотря на высказанные замечания, книги представляют существенный вклад в историческое просвещение широкого круга читателей, а также будят творческую мысль специалистов.

Ключевые слова: Древняя Русь, Восточная Европа, средневековье, община, князья.

MEDIEVAL EASTERN EUROPE: NEW BOOKS AND THOUGHTS

Rier Yakov Grigorievich

PhD Habil, Professor
Mogilev State A.Kuleshov University, Belarus
e-mail: rier47@tut.by

The article in question explores how various aspects of medieval Russian history are presented in the two recent books - A History of Russia in 4 Vols. Volume 1 (Moscow 2018) and A New Imperial History of Northern Eurasia Vol. 1 (Moscow 2017). Thus, the article comments on the presentation and evaluation of the facts and approaches to them. Key point of criticism is related to the image of the Slavic community in the first book and the apparent limitations of the comparisons presented with the common European historical context. Despite the abovementioned drawback the books leave a generally positive impression and make a significant contribution to the topic, address a wide readership and stimulate further academic inquiry.

Keywords: Ancient Russia, Eastern Europe, Middle Ages, community, princes.

Интерес к истории не требует объяснений. Практически ни одно рассуждение о современных общественных проблемах не обходится без обращений к прошлому, в котором ищут опоры для суждений и выводов, ответы на насущные вопросы. При этом, учитывая современные информационные возможности, к истории часто обра-

щаются знающие ее довольно поверхностно, а порой и предвзято, адресуя к ней свои воззрения и пристрастия. Между тем среди специалистов уже стало общим местом понимание того, что ответы истории определяются самими вопросами. Иными словами, прошлое раскрывает себя лишь тогда, когда вопрошающий обладает соответству-

ющими историческими знаниями. Отсюда огромное значение имеет учебно-познавательная литература, ее адекватность, историческая грамотность и ответственность авторов.

С указанной точки зрения представляют интерес два недавних обобщающих издания, освещающих историю Восточной Европы последних полутора тысячи лет [9; 11]. Оба издания объемны и подробны, но освещают события по-разному, что позволяет сопоставить характер и методику изложения. Предлагаемые заметки являются не рецензией, а, скорее, размышлениями над теми сюжетами обширных текстов обеих книг, которые привлекли меня как медиевиста, специализирующегося, прежде всего, на истории Европы. Другие разделы, прочитанные также с интересом, выходят, однако, за пределы моей компетенции.

Начну с первого тома «Истории России», написанного в традиционной манере последовательного изложения материала по истории земель, вошедших в разное время в Российское государство. Сразу замечу, что в тексте главы повествовательные, причем весьма подробные, чередуются с аналитически-обобщающими, содержащими авторские оценки и выводы.

Показателен подзаголовок тома: «Генезис и эволюция русской государственности». Несмотря на то, что на постсоветском пространстве именно российская государственность представляется наиболее легитимной, ее акцентирование тоже оказывается актуальным. Замена *российской* на *русскую* красноречива. Хотя эта замена скорее постулируется, чем отражается в тексте: перед нами изложение истории всей земли российской в ее имперских, а не изначально русских границах.

В предисловии ко всему четырехтомнику доктор исторических наук, профессор Н.А. Омельченко подчеркивает, что «одну из важных научных задач изучения отечественной истории авторы научного исследования видят в необходимости критического пересмотра и преодоления исключительно отрицательных оценок роли государства в жизни российского общества, получивших широкое распространение в последнее время в отечественной научной литературе и публи-

цистике на волне антиэтатистских и антитоталитарных настроений, что является, конечно, явным упрощением» (с. 7). В этом, очевидно, объяснение заглавия тома, хотя содержание его традиционно – история России, что собственно, автор предисловия и подтверждает далее. «Оригинальность и новизна четырехтомника состоят также в попытке представить историю России как единый процесс, в основе которого лежали географические (геополитические), территориальные, религиозные характеристики России, определившие на многие века некоторые постоянно действующие константы, устойчивые тенденции развития российского общества. Особое внимание в этой связи в издании уделено осмыслению специфики российской политической культуры, приобретающей в результате длительной исторической эволюции либо последовательной индоктринации характер устойчивых установок и ценностей и оказывающей непосредственное влияние на формирование национальных особенностей политических отношений, характер политического транзита и российского политического процесса в целом» (с. 7–8).

Но здесь следует заметить, что рассмотрение истории России в единстве географических, территориальных и религиозных характеристик, влиявших на развитие ее общества, – общая традиция большинства значительных общеисторических сочинений, причем не только в России.

Исходя из поставленной задачи, в предисловии представлена концепция уникальности отечественной истории, согласно которой «Россия, по сравнению с западноевропейскими или азиатскими странами, на протяжении всей своей истории всегда представляла и продолжает представлять сегодня «другой мир», отдельную цивилизацию» (с. 8). Такая концепция была сформулирована, вспомним, Н.Я. Данилевским в его обстоятельном, хотя и небесспорном труде «Россия и Европа» [5]. Автор предисловия обходит определение весьма многозначного понятия цивилизация, но указывает факторы, определявшие особость России: 1) географические условия, 2) природно-климатические условия, 3) геополити-

ческое положение и 4) *многонациональность*. Заметим, что первые два фактора, по сути, об одном и том же – особенностях природной среды, в которой формировалось восточное славянство. Да и третий фактор тоже производный от географии. Зато, на мой взгляд, здесь не хватает специфического *социально-экономического уклада*, выросшего все из того же природно-географического фактора. Речь идет об особенностях общинного землепользования, что, кстати, почти не затрагивается в рассматриваемом томе, хотя об общине пишется немало.

Впрочем, с дальнейшими рассуждениями автора предисловия (с. 9–14), обосновывающими гиперболизацию государственного начала в истории России географической спецификой, вполне можно согласиться. Кстати, они были бы еще убедительнее при сопоставлении с остальной Европой. Но, очевидно, авторами издания такой задачи не ставилось. Эту лауну восполнило другое издание, о котором речь пойдет ниже.

Обратимся к дальнейшему тексту. Первая глава начата со славянского этногенеза. Автор, профессор С.В. Перевезенцев, справедливо лаконичен из-за дискуссионности начального этапа становления славянства. Правда, помимо В.В. Седова, среди ссылок приведены авторы или писавшие достаточно давно, или не являющиеся специалистами в данной проблеме, как, например, А.Г. Кузьмин. В последнее время появилось немало более свежих исследований, в том числе археологических и генетических. Хотя, что правда, новые публикации также не очень прояснили проблему, и общей основой для понимания территории сложения и первоначального распространения славян остается капитальный труд Л. Нидерле начала прошлого века.

Далее автор обращается к характеристике общины, которая является одним из стержней его анализа истории Древней Руси. Помимо констатации роли земледелия, что, впрочем, было характерно и для западных соседей славян – германцев, автор подчеркивает значение рано возникшей соседской общины у славян, ссылаясь при этом лишь на А.Г. Кузьмина, историка яркого, писавшего красиво, но воззрения которого нередко оспаривались. Добавим, что об общине, помимо славянофилов и

историков традиционной советской школы, писали и И.Ф. Фроянов со своими последователями, доказывавшими, наоборот, длительное, вплоть до начала II тыс., наличие родовых порядков среди древнерусских племен. Для утверждения раннего существования у славян соседской общины нет серьезных доказательств, а вот о наличии у них родовых отношений к началу II тыс. – есть, и прежде всего – археологические.

Утверждения же С.В. Перевезенцева о длительном существовании кровнородственной общины у германцев едва ли можно принять. Ибо чем иным, как не соседской была знаменитая община-марка «Салической Правды» (V–VI вв.) с индивидуальными крестьянскими усадьбами, которые археологами фиксируются уже со II–III вв. (а местами, например в Ютландии, еще раньше). Тогда как у славян типично родовые поселки известны в VII–VIII вв. (Дессау-Мозигкау в Восточной Германии, Рипнев на Днестре – наиболее полно исследованные). Вспомним о *патронимиях* М.О. Косвена [10]. Замечу, что на утверждении о роли соседской общины основаны и многие последующие положения С.В. Перевезенцева.

Например, автор утверждает, что особенностью славянской соседской общины была *коллективная собственность на землю* (с. 25). Представляется, что это как раз наследие родовых порядков. У германцев ведь наоборот: соседская община характеризовалась наличием аллодов – наследуемых индивидуальных земельных владений крестьян, это общеизвестный факт. Тут автору, как и в других рассуждениях об общине, не хватает компаративистики, структурного сравнения с другими народами.

То же относится к утверждению о способности соседской общины принимать иноплеменников, на чем строится доказательство мирного освоения славянами земель в процессе расселения (с. 24–26). У германцев, например, в той же «Салической Правде» прописаны права переселенцев, но речь там не шла об «инородцах», ибо галло-римляне, например, едва ли стремились в германские марки.

Для славян действительно была характерна толерантность при расселении. Но связано это, представляется, с иными при-

чинами. Будущие восточные славяне расселялись вне явных этнических границ, среди разреженного расселения аборигенов – балтов и финно-угров. А при освоении Центральной Европы и Балкан славяне мало отличались от германцев: западные славяне в итоге оказались вполне моноэтничны, ибо расселялись почти на пустых местах. А балканские славяне ассимилировали часть иллирийцев (а часть вытеснили в обособленные анклавы – Косово), а позднее – и пришельцев – болгар.

Впрочем, многие рассуждения об общине – умозрительны, и выводить из них некие особенности рискованно. Так же как и почти повторения из школьных учебников о победах над византийцами. Здесь нужен более серьезный анализ. Ведь византийцы терпели поражения и от других варваров. Тут, скорее, или недооценка варваров со стороны византийских военачальников, или большая выносливость тех же славян как следствие их быта (вспомним сообщение об их умении прятаться под водой, дыша через камышовые стебли).

Есть замечания и к завершающим рассуждениям автора об общине. Он пишет, что племенными центрами у славян на востоке Европы в IX–X вв. были города (с. 27). Что имеется в виду? Если укрепленные центры – то да, но это не города в собственном смысле как средоточие торгово-ремесленной деятельности и т.п. Также есть замечания к сравнению восточнославянских племенных союзов того времени с западноевропейскими государствами. На Западе тогда существовала лишь Франкская империя, территориально вполне сопоставимая. И, главное, о государственности той эпохи говорить надо с осторожностью. Современная историческая антропология оперирует более точными понятиями – *вождество*, простое и сложное. В ее рамках разработаны признаки этапов формирования государств. Применительно к генезису Руси их учитывают, например, такие авторы, как Е.А. Мельникова, Е.А. Шинаков, В.В. Пузанов, А.А. Горский, А.С. Щавелев и другие. При анализе генезиса государственности *проблем вождества* нельзя избежать, но здесь об этом – ничего.

И чтобы завершить разговор об общине: те формы, которые рассматривает автор,

наделяя их этническими признаками, вообще типичны для разных стадий позднеродового общества во всем мире. У славян, по сравнению с западными соседями, в общине сохранилось, пожалуй, даже больше архаических черт – имеется в виду коллективное землепользование. И это никак не славянский эксклюзив – такое было характерно, например, и для индийского населения, и для арабов. К этому можно добавить, что автор не рассматривает причины длительного сохранения у восточных славян коллективной собственности, в противоположность славянам западным, у которых она под более западным влиянием исчезла в XII–XIV вв. А ведь именно эти различия и сформировали особенность восточнославянского, древне- и, затем русского мира!

Далее следует анализ *ключевых проблем становления древнерусской государственности и формирования древнерусской народности* (с. 28–36). В самом начале раздела автор, описывая воцарение Олега в Киеве, называет созданное образование *государством* (с. 29). С точки зрения современных представлений о генезисе государственности это едва ли корректно – не было еще соответствующих признаков. Это – типичное *вождество*. Далее подробно рассматривается варяжская проблема. Склоняясь к концепции школы А.Г. Кузьмина, автор, тем не менее, вполне корректно рассматривает иные точки зрения. Можно лишь добавить, что о переселении поморских славян в будущие новгородские земли писал В.В. Седов, не связывая их, однако, с ваграми–варинами–варягами.

Продолжается глава рассмотрением *политогеоза восточных славян в IX–X вв.* (с. 36–42). Подробно анализируя ход событий, автор вновь называет формировавшиеся структуры *государством*, с чем все-таки трудно согласиться. То же касается рассуждений о соседской общине у славян в противоположность кровнородственной у русов (варягов) как уже бесспорного факта, причем без доказательств (с. 38). Умозрительно, с игнорированием концепции о дружинной корпорации варягов, выглядят и рассуждения об их наложении на племенную славянскую периферию. Также умозрительно выглядит и суждение о кровнородственной общине у варягов (с. 39): то,

что описано у них, – типичная корпорация семей-кланов в рамках соседской общины. Тем более, абзацем ниже автор пишет, что «наиболее знатные русы имели собственную дружину...».

Далее подробно описываются перипетии того времени. Но в описаниях действий Ольги автор вновь обращается к постулированной выше разности общинного устройства (с. 41). А не являются ли действия Ольги следствием уже не традиционных в первобытности представлений, а интуитивным выбором поведения, характерного для будущей государственности: верховный правитель всегда прав? То есть, не видим ли мы переход к представлениям о новой (государственной) организации, почерпнутых каким-то образом из византийского опыта (можно вспомнить и о мнении об использовании опыта Каролингов Рюриком, но, добавлю, потом забытого Игорем в «диких» Поднепровских землях)? В пользу этого аргумента – упреки Ольги Святославу за уход от ответственности за его владения, да и крещение Ольги, которые приводит автор. То есть общество, возникшее при Ольге, – компаудное (сложное) вождество, как первая ступень к государству? Но это не рассмотрено.

На с. 42 встречен, наконец, первый аргумент об общине русов: «наследство без завещания передается только ближайшим младшим родственникам».

Далее рассматривается *политическая история Руси X – начала XII в.* (с. 43–54). Здесь присутствуют интересные личностные характеристики, раздел хорошо читается. Хотя с мелькающим термином *государство* все же нельзя соглашаться без оговорок. Ибо у современного читателя с этим термином связаны совсем другие коннотации.

По поводу родословной Рогволода: обычно, все же, его выводят из Скандинавии (к с. 44).

Подробно рассмотрена деятельность Владимира, который действительно продолжил дело Ольги по созданию того, что стало называться государством. То же относится и к Ярославу, с правления которого, собственно, и начинается история уже состоявшегося раннего государства. Именно раннего, еще неустоявшегося – оттого и по-

следующий распад на уделы, как у франков после Хлодвига, да и после Людовика Благочестивого – вот где уместна была бы компаративистика! Справедливо замечание автора о том, что «княжеские съезды лишь на время останавливали усобицы. Обязательно находился кто-то недовольный или обиженный, затем кто-то из князей умирал – и все начиналось сначала» (с. 52). То есть понимания государственности, легитимности правителей у элиты еще не было! А в целом, описательная сторона главы хороша: все последовательно, четко, понятно!

Следующий раздел – «*Внешняя политика Древней Руси в X–XII вв.*» (с. 54–56). Суть понятна, но уж больно современный термин – ведь это были ситуативные действия по укреплению своей власти без учета границ и чьих-то прав.

Далее «*Социальное устройство Древней Руси*» (с. 56–57) – сугубо по А.Г. Кузьмину. Правда, заключая его, автор перечисляет и иные концепции, но их аргументы не рассматривает.

Глава 2 посвящена *политической раздробленности Древней Руси в XII–первой половине XIII в.* (с. 58–91). Автор избегает традиционного понятия – *феодалная раздробленность*, хотя, представляется, это обозначение более точное. Ибо у начавшегося дробления, превратившего тогдашнюю Русь, по сути, в федерацию, были не только *политические*, но и социальные корни. Интересы князей обуславливались не только стремлением к политическому господству, но и к социальному – месту в иерархии, которое определяло и отношения внутри всей элиты, связанные с земельными правами и тем, что на Западе называлось «сеньюрией бана» – то есть правами на управление вассалами. Хотя система вассалитета на Руси не сложилась именно из-за отсутствия «горизонтальных» прав (типа «вассал моего вассала – не мой вассал»), в которые включались и безусловные права на земельные владения – феодалы. Но все эти сложности шире понятия *политических* отношений. Впрочем, возможно, в этом – концепция автора, ибо он практически нигде не называет средневековые порядки на Руси *феодалными*. А ведь было бы интересно разобраться, что же за строй был тогда:

возвращаемся к предыдущему абзацу. Мне представляется, что **любое общество, власть в котором опирается на право владеть землей, есть феодальное.** И различать можно *частновладельческий феодализм в западноевропейском сеньориальном строе* и обобщенно *восточный, основанный на монопольном праве владения землей у правителя.* Почему же в итоге на Руси сложилась такая система – ключевой вопрос российской цивилизационной идентичности. Но автор его обходит.

Указанный же далее принцип наследования власти на Руси (с. 56) не является ее особенностью – это общий принцип тех времен.

Далее детально рассмотрены происходившие события, даются основные комментарии, причем иногда повторяющиеся (с. 62). Обращается внимание на противоречия между князьями и городами (с. 63). Автор опирается на концепцию И.Я. Фроянова о городах-государствах – довольно спорную. Ибо большинство тогдашних «городов» на Руси – укрепленные резиденции князей, их приближенных и других командиров, то есть управлялись они военной корпорацией, контролировавшей и окружающие сельские территории. Тогда как «классические» греческие полисы да и средневековые северо-итальянские *города-государства* управлялись всем городским социумом, причем в основе своей торгово-ремесленным. Впрочем, ныне уже и последователь Фроянова А.Ю. Дворниченко эти отличия признает.

Одну из основных причин распада *Древнерусского государства* автор видит в противоречиях между князьями и структурами земского самоуправления (с. 63). Но, во-первых, из кого состояло это *земское самоуправление*? Ведь даже в торговом Новгороде вече заправляли жившие в городе землевладельцы, то есть, по сути, феодалы. А во-вторых, сколько было таких городов, имевших ресурсы противостоять князьям? Утверждение о росте в XI–XIII вв. могущества городов как центров земель-княжеств опирается на довольно случайную ссылку (с. 62–63). И центры эти были именно резиденциями князей. Показательно, что в этих городах не сложились характерные для тогдашней Западной Европы самоу-

правляющиеся корпорации ремесленников и купцов (цехи, гильдии). Сомнительно и утверждение о наличии в домонгольский период до *полутора тысяч* городов и городищ. Ибо далеко не каждое городище было городом в социально-экономическом смысле. У археологов, замечу, есть свои довольно жесткие критерии отличия укрепленных поселений вообще (а ими могут быть и замки с предградьями) от собственно городов, то есть кремлей с посадами. Об этом писали А.В. Куза, Б.А. Тимошук и другие. Но они же отмечали, что сформулированные критерии часто сложно применять к конкретным археологическим материалам, ибо полностью раскопанных городов практически нет. Так что указанное выше число – это просто общее количество известных укрепленных поселений эпохи. Кстати, примеры конфликтов князей с городами приводятся только по Киеву (с. 64). Думается, в Южной Руси все-таки главная причина раздробленности или даже распада – противоречия между князьями с их окружением.

Вот на северо-западе, в Новгороде, действительно, конфликт был между городом и князем. Хотя, опять-таки, между землевладельцами-новгородцами и князем, то есть, по сути, между феодалами (**теми, чья власть исходила из владения землей**). А что касается Северо-Востока, то здесь с автором вполне можно согласиться, ибо он признает, что города там были княжеские и боярские (с. 65), как, кстати, и на Юго-Западе (с. 66). И сам автор пишет, что данных о городском самоуправлении крайне мало, в то время как о княжеской власти сведений достаточно. Так может, учитывая, что и горожане были вполне грамотными, отсутствие документов о самоуправлении свидетельствует о неразвитости самого явления?

Приводимый пример с Андреем Боголюбским весьма показателен (с. 66–67). Он вообще попытался править авторитарно, без традиционного боярства, опираясь лишь на своих выдвиженцев, по сути – министериалов. Что и закончилось его гибелью как не обеспечившего им обещанного. Указание же на удачный опыт укрепления собственной власти на Юго-Западе Романа Мстиславича (с. 67) – не успешная ли попытка использовать опыт западных сосе-

дей, с которыми регион был тесно связан?

Дальше следует анализ *ключевых проблем социально-политического развития древнерусских земель в XII–XIII вв.* (с. 67–76). То, о чем подробно пишет автор, можно рассматривать и как соперничество типичных феодальных группировок, только феодалов не как западных сеньюров, а как вотчинников и князей с их верховными правами на земли и власть. Хотя термин *феодальный* автор не использует. Впрочем, замечу, и в западной историографии теперь далеко не всегда его применяют из-за споров о сути самого феодализма как явления.

При анализе обстановки в Киевской земле в первой половине XIII в. автор констатирует *отсутствие у князей единого политического мышления* (с. 68). Но если так, то где общее государство? А в описании ситуации на Волыни вообще представлены, по сути, типичные для Запада сеньориальные порядки. Далее автор подробно описывает порядки в остальных княжествах. Замечу, что при всех высказанных выше замечаниях текст читается легко и создает у читателя четкое представление об эпохе и событиях.

Основная тема обширного раздела о *духовно-политическом обосновании власти рода Рюриковичей* (с. 76–90) посвящена аспектам легитимации династии. В связи с этим рассмотрена и летописная версия призвания варягов. Большое внимание уделено анализу текстов того времени. В целом раздел создает определенное представление о восприятии власти в домонгольской Руси, что укладывается в концепцию тома о формировании государственности.

Заканчивает главу вывод о *последствиях политической раздробленности Древней Руси* (с. 90–91). Название не совсем точное, ибо последствиям – монгольскому нападению – посвящена отдельная глава. Здесь же автор кратко суммирует причины раздробленности, но сводит их лишь к внутрисемейным конфликтам князей, а также к противоречиям последних с горожанами. Кратко упоминая о достижениях, отмечает, что общая оценка периода раздробленности дискуссионна. Ощущение, что хозяйственные процессы того времени автору неинтересны, ибо в следующей главе он обращается уже к древнерусской духовной

культуре.

Основное содержание главы 3 – религиозная история Руси в XI–XIII вв. (с. 92–131), рассмотренная весьма подробно и тщательно. Глава 4 посвящена кочевым соседям Руси домонгольского времени (с. 132–165).

В обширной главе 5 рассмотрено *монгольское нашествие и завоевание Руси* (с. 166–200). Уже во вступлении к ней дается общая оценка трагических событий, более уместная, представляется, для выводов к главе. Предваряя содержание главы, автор сразу настраивает читателя на эмоции. Хотя, возможно, в этом и состоит цель С.В. Перевезенцева, основного автора тома. Он сравнивает нашествие с чумой или нападением гуннов. Сравнение уместное, но исторически некорректное, ибо тогдашнее население о них не знало. Тем более, что тут же приводятся летописные свидетельства современников событий, не менее эмоциональные, но зато аутентичные. Именно они и создают соответствующий эмоциональный фон дальнейшему изложению. Подробное описание событий позволяет читателю составить четкое представление о происшедшем.

Переходя к результатам, автор констатирует потерю независимости и переход в состояние вассалитета от Орды (с. 172). Правда, в оценках последствий видится и некоторая модернизация. Например, в указании об ориентации на Запад западнорусских княжеств. В такой трактовке слышатся современные политические коннотации, так же как и во фразе о *западных державах* (с. 173). Но общий вывод о том, что в результате *«ига Русь сменила вектор цивилизационного развития»* (с. 174), несомненно верен. Хотя к нему следовало бы добавить и вышеуказанные особенности землевладельческой системы на Руси, изначально близкой восточным формам.

Затем автор подробно рассматривает перипетии политики князей, основное внимание уделяя, что вполне естественно, деятельности и роли Александра Невского. В целом, одобряя его деятельность, что отражает определенные тенденции русской историографии, автор лишь вскользь упоминает дискуссии о роли князя. В частности, обойдены подробности получения Александром ярлыка на княжение. Можно

также вспомнить и о всплывшем нарративе о «невской битве». Но, в целом, надо согласиться с тем, что Александр Невский отразил уже сформировавшиеся представления православного общества об образе жизни и социально-политических приоритетах, ориентированных на авторитаризм Востока и не приемлющих западные порядки.

Касаясь положения православной церкви при монголах, автор излагает факты без комментариев. Хотя в других сюжетах они весьма подробны. Возможно, из-за неоднозначной оценки этого историками. Далее подробно рассмотрено восприятие ига в народном сознании (с. 180–190), что приводит автора к апологии дальнейшей истории России как авторитарного государства с особой ролью церкви. О том же – и раздел *о теме святости в контексте политической культуры XIII в.* (с. 190–200). Наиболее подробно приведена и проанализирована агиографическая литература. Получилась аргументированная апология роли православия в истории России с учетом нынешнего политического нарратива в российском обществе.

В главе 6 очень подробно, что совершенно оправданно, А.Б. Мазуровым и А.Ю. Никандровым представлена история возвышения Московского княжества (с. 201–269). Хотя глава насыщена излишне публицистичными комментариями, в целом дается четкое представление и о характере монгольского господства, и о процессах освобождения от него. Тщательно разобраны причины возвышения Москвы. Хотя нельзя не заметить, что авторы ушли от оценки ига в современной историографии, подробно представив лишь традиционные воззрения. Взгляды тех, кто на основании современных подходов обратил внимание на неправомочность сгущения красок, лишь обозначены, но, в противоположность традиционным, не рассмотрены. Лишь в характеристике Ивана Калиты продемонстрировано стремление оценить его объективно, чего, например, не сделано в отношении Александра Невского (впрочем, здесь другие авторы).

К весьма интересному аналитическому разделу об *эволюции власти и государственности в XIV в.* хотелось бы добавить, что при рассмотрении проблемы угасания

вечевых порядков (с. 225) надо все же иметь в виду следующее. Все-таки они на Руси и раньше особой роли не играли в силу особенностей генезиса в ней городов, которые, в отличие от Западной Европы, вырастали прежде всего из дружинных резиденций с ее (дружины) коллективным правлением. Торгово-ремесленный люд городов играл подчиненную роль, ибо изначально он происходил из той же дружины, в отличие от Запада, где горожане и воины изначально выходили из разных социальных групп и никогда не смешивались (кроме английского нового дворянства, но это – в другой обстановке).

Вполне уместна ссылка на исследование Б.Н. Флори о *служебной организации*, но, главное, авторы главы, в отличие от С.В. Перевезенцева, констатировали, что «в городах правили бояре», т.е. землевладельцы-феодалы, а не собственно горожане (с. 228–229). В целом, данный раздел отличает хорошая аналитика, основанная на более серьезных исследованиях, чем во многом спорных трудах А.Г. Кузьмина.

Подробно, что вполне естественно, описана деятельность Ивана III. Среди прочего хотелось бы выделить раздел о *проблеме самобытности московского государства* как итога его правления, пожалуй, ключевой в главе, а может, и во всем томе (с. 265–296). Выделено сочетание традиций сильной княжеской власти Владимиро-Суздальской Руси с византийскими и ордынскими заимствованиями. Но при этом проигнорирована существенная причина превращения власти на Руси в авторитарную – верховенство владения землей правителем, о чем писалось выше. Ведь именно эта традиция привела при Иване Грозном вообще к ликвидации боярского землевладения и монополизации всех властных прав за монархом, что и поставило точку в превращении Московского государства в деспотию восточного типа.

К рассуждениям о формировании великорусской народности и общих корнях восточнославянского населения привлечены данные генетики (с. 266–267). Они, с одной стороны, убедительны, но пока еще недостаточно репрезентативны.

В заключении главы авторы возвращаются к рассмотрению особенностей сфор-

мировавшегося на рубеже XV–XVI вв. государства. Представлен краткий историографический обзор основных точек зрения. Но, к сожалению, так и не рассмотрена проблема отличия от Запада форм земельной собственности на Руси – от общинной до «государственной». А ведь именно отсутствие оговоренных традицией и юридических норм крестьянских прав на землю, как в германском аллоде (кроме чернососного Севера), породило отсутствие суверенных прав на землю и у военного-служилого сословия с концентрацией власти-собственности у князей. Только элита – бояре – имели права на вотчины, но в процессе централизации они постепенно урезались вплоть до опричины Ивана Грозного. Конечно, борьба с кочевниками усиливала тенденции к централизации власти, естественно, с правами верховной собственности. Так же как у западных славян, первоначальные общеславянские общинные традиции преобразовались под западным влиянием в сеньориальные порядки западного феодализма. Кстати, о *феодализме* – и здесь ни слова!

В главе 7, посвященной ханским государствам, особый интерес для автора заметок представил раздел *об анализе и оценке роли Золотой Орды* (с. 273–289). Дан подробный историографический анализ ее роли в истории России. Не забыты евразийцы, Л.Н. Гумилев и полемика с ними. Учтены даже воззрения недостаточно, полагаю, оцененного в историографии социо-естественника (как он себя определял) Э.С. Кульпина. Авторы подробно излагают разные точки зрения и вполне обоснованно не расставляют акцентов в еще продолжающейся дискуссии.

Дальнейшее изложение материалов главы оставлю за рамками своих рассуждений и перейду к более близкой по интересам главе 8, посвященной *Великому княжеству Литовскому в XIII – первой половине XV в.* (с. 321–360), написанной Ю.Н. Мантровым. Текст содержит последовательное изложение событий, анализ которых, в целом, вполне объективен, но отдельные его пассажи хотелось бы прокомментировать. Так, например, утверждение автора, что в борьбе с крестоносцами время для объединения балтских племен было упущено

(с. 324) – это уже суждение *постфактум*. Едва ли современники тех событий осознавали то, что теперь знаем мы.

Однако основные вехи истории ВКЛ показаны точно. Так, автор приводит разные точки зрения на факторы, способствовавшие формированию Литовского государства. Вполне обоснована ссылка на мнение Э. Гудавичюса о сходстве позднеродового литовского общества со скандинавским на той же стадии, которое литовский исследователь назвал «викинговым» [8, с. 30]. Добавлю, что раннесредневековое крестьянское землепользование у литовских племен он считает аналогичным скандинавскому и называет его «одальным» [4, с. 33–36]. Заметим, что хотя прямые свидетельства не общинного, а индивидуального землепользования крестьянскими домохозяйствами отсутствуют, позднейшая хуторная система литовского сельского общества свидетельствует о давних традициях такого хозяйствования, в противоположность славянскому общинному землепользованию [15, с. 10–19].

Кстати, и у раннесредневековых славян археологи также нередко находят следы крестьянских усадеб [13, с. 66–67; 2, с. 79]. Но уже в середине I тыс. н.э. германские юридические документы фиксируют наследственные права крестьян на их земельные владения (аллоды «Салической правды»), что позволяет констатировать формирование в германской общине-марке частного крестьянского землевладения, на основе которого затем формировалась и западноевропейская сеньориальная система. В славянских же правовых источниках таких норм крестьянского землепользования не зафиксировано. У западных славян они появляются лишь с XIII–XIV вв. в виде так называемого *немецкого* или *эмфитевческого права*, то есть как заимствование от немецких колонистов в Чехии, и, в меньшей степени, в Польше. В славянских землях ВКЛ такая система была введена лишь в XVI в. в рамках «Уставы на волоки». Но в восточном, Поднепровском регионе княжества она не отменила общинные земельные порядки [1, с. 120–124]. На Руси же, как известно, переход к индивидуальному крестьянскому землепользованию начал осуществляться лишь П.А. Столыпным, уви-

девшим примеры таких хозяйств в своих литовских поместьях и у немцев Поволжья в бытность саратовским губернатором.

Встречающееся в литературе суждение о наличии частного крестьянского землепользования у восточных славян еще в конце I тыс. н.э., в частности у северян, едва ли обосновано. Автор его, А.В. Григорьев, утверждает: *«Наличие усадеб однозначно указывает на существование частной собственности на землю в пределах поселений и может говорить об индивидуальном характере ведения хозяйства. Согласно «Повести временных лет», основным объектом налогообложения у вятичей изначально являлся «дым», что также указывает на двор как основную хозяйственную единицу»* [3, с. 158].

Но ведь индивидуальное и частное хозяйство – не синонимы. Частная собственность – это, как отмечалось, прежде всего правовая норма. По археологическим данным она неопределима. Они позволяют констатировать лишь наличие обособленных домохозяйств в рамках поселения. К тому же отсутствуют данные о системе приусадебных огородов и полей вокруг селищ. Утверждения автора напоминают выводы датского археолога Г. Хатта о наличии частной земельной собственности в Ютландии на основе выделенных при раскопках огороженных полей. Но там хотя бы поля были обнаружены и исследованы. Однако, анализируя выводы Хатта, А.Я. Гуревич справедливо указал, что для утверждения наличия частной собственности как социального института таких данных недостаточно. Это – вне пределов компетенции археологов [7, с. 102–105].

К тому же известно, что обложение с «дыма», то есть с крестьянской усадьбы существовало на Руси издавна, но прочная община с коллективным регулированием землепользования дожила до 1917 г. То есть индивидуальные крестьянские приусадебные хозяйства вполне уживались с верховенством общины в земельных делах. Скорее то, что проследил Григорьев, соответствовало общинным порядкам, описанным у германцев еще Тацитом (I в. н.э.): посемейное владение землей с последующими переделами без закрепления в собственность.

Но возвратимся к изложению истории

ВКЛ. Подробно излагается процесс становления княжеской власти и распространения ее на соседние древнерусские земли. Отметим доброжелательность изложения, что важно подчеркнуть в современной политической обстановке. Замечу только, что в анализе процесса государствообразования ВКЛ автор не учел современных антропологических подходов. Эпоху Гедимины он называет расцветом Литовского государства, а начинает его отсчет со времен Миндовга (с. 330). Скорее Гедимины можно считать основателем легитимной власти в княжестве, то есть именно от него отсчитывать начало государственности, а время Миндовга, которого в итоге свергли, считать переходным – *вождеством*. Адекватно рассмотрен процесс распространения власти литовских князей на западнорусские княжества, в целом мирный, соответствовавший взаимным интересам, что подчеркивает автор. Подробно представлены отношения князей ВКЛ с Ордой и Московским княжеством.

Естественно, автор подробно рассмотрел историю конкуренции ВКЛ и Московского государства на восточноевропейском пространстве (с. 335–360). Все это – в контексте борьбы с крестоносцами и взаимосвязями с Польшей. Кратко отмечены особенности подходов в национальных историографиях (с. 339). Автор вполне корректно рассмотрел этнические и конфессиональные аспекты развития событий того времени. Но при объяснении конечной победы католицизма в Литве он, следуя традиционным воззрениям (с. 343), не учел возможной ментальной составляющей: католицизм, сложившийся в более индивидуалистической среде западноевропейцев, был ближе литовскому социуму с его хуторными («одальными» по Гудавичюсу) привычками. А то, что часть Гедиминовичей все-таки приняла православие (с. 345), отразило, скорее, неприятие верховенства Ягайло после Кревской унии. И закончил рассмотрение религиозных проблем автор констатацией, что принятие католичества решило историческую судьбу ВКЛ, лишив ее возможности объединить восточнославянские земли (с. 346). Возможно, но элите, вероятно, все же был важнее западный вектор с устоявшимися там сеньориальными порядками.

Подробно рассмотрены перипетии истории ВКЛ и взаимоотношения с Москвой в XV в. (с. 346–356). Здесь следует заметить, что при описании Грюнвальдской битвы правильнее было бы называть среди ее участников не *русские* полки (с. 348), а обозначить их как ополчение из восточнославянских городов ВКЛ. Ибо *русские* для XV в. – это уже Московская Русь

Вторую половину XV в. автор, вслед за белорусским автором В. Тарасом, назвал временем наивысшего расцвета ВКЛ (с. 350). Но тогда как понимать вышеприведенное утверждение о расцвете при Гедимине? Так все таки правильнее эпоху Гедимина считать началом государства? И далее – именно во второй половине XV в. в отношениях с Москвой наступил перелом – вместо прежней оборонительной политики Иван III перешел в наступление (с. 351). Так какой же *наивысший расцвет ВКЛ* в это же время?

Завершается глава анализом *социокультурных и политических особенностей ВКЛ* (с. 356–360). Констатируется переход в XIV в. к частному крестьянскому землевладению и оформлению *феодального* сословия, хотя такого слова здесь, как и почти во всем томе, как отмечалось – нет. И следом констатируется коренное отличие земельных порядков в Западно- и Южнорусских землях, где была сильная община. А далее – констатация формирования особенности славянских земель ВКЛ в сравнении с более восточными (будущей Московией). Указано на специфику городского населения – *мещан*, наличие Магдебургского права, отличие политической и судебной систем ВКЛ от того, что сформировалось в Московском государстве.

И завершается глава вполне справедливым выводом о том, что история ВКЛ, в своем максимальном расширении достигавшая Можайска, *дает основания для интересных выводов и поучительных исторических уроков* (с. 360). С этим, безусловно, нельзя не согласиться.

Пропустив другие главы, обратимся к *заключению*. В нем вполне обоснованно констатируется специфичная для российской истории гипертрофия государственности, что породило повышенный интерес в современной историографии к личности.

Однако отмечено, что нельзя отказываться и от *осмысления длительных исторических периодов* (влияние идей Ж. Ле Гоффа), рассмотрения истории больших групп и цивилизаций (с. 620). Что совершенно справедливо!

Далее вновь пишется об особой российской цивилизации, но опять-таки без формулировки общего понятия. Отмечается географическое и этноконфессиональное многообразие России, но обойден вопрос о том, как создавалось такое многообразие, ставшее бременем. Ведь агрессивность, стремление к захватам – специфика всех государств. Но почему же России удалось так разрастись? Не благодаря ли расположению на восточной окраине европейской ойкумены? Соприкасавшийся с ней кочевой мир после известных периодов успешной экспансии закономерно слабел и сам становился объектом подчинения более устойчивыми земледельческими цивилизациями. Представляется, что этот сюжет следовало бы рассмотреть подробнее. Ибо в нем – один из специфических факторов российской цивилизации. Кстати, *российской* или *русской*? Тоже надо конкретизировать; вероятно, различия связаны с хронологией: *российская* – это уже к Новому времени.

И, наконец, ну просто мудрое замечание о том, что надо не *осуждать* или *воспевать* историю России, а *объяснять* ее развитие на разных этапах: *«историю нужно не осуждать, у истории нужно учиться»* (с. 621). Эта фраза вполне могла бы стать эпиграфом к любому обобщающему исследованию. Тем и завершим размышления об отдельных главах первого тома очередной «Истории России».

Теперь обратимся к *«Новой имперской истории Северной Евразии. Часть 1. Конкурирующие проекты самоорганизации. VII–XVII вв.»*. Новая здесь не в хронологическом смысле, а в подходах. Написана она молодыми исследователями, имеющими опыт учебы и работы в зарубежных научных центрах, создателями и авторами амбициозного проекта «Ab Imperium», в котором «обкатываются» новые формы исторической аналитики.

Подзаголовок предполагает не столько изложение исторических явлений, сколько их комментарии. При этом главной «фиш-

кой» книги является компаративный обзор всего обозначенного в заголовке региона. Но, забегая вперед, надо все же констатировать, что текст прежде всего – о России.

Предисловие претенциозно: «*Кому будет нужна история завтра*». Уже в первых фразах авторы подчеркивают, что прошлое нужно знать для конструирования будущего. В этом они видят «*главную, если не единственную функцию исторических исследований*». Но, далее: «*...прошлое не может... сколько-нибудь убедительно оправдать современное положение дел*» (с. 9). А чуть ниже: «*То, как люди представляют себе социальные группы и движущие силы в прошлом, напрямую влияет на их восприятие социального взаимодействия и социальных структур сегодня... Социальное мышление... формируется исключительно на историческом материале, а... затем это выученное знание проецируется на современные реалии*» (там же).

Иными словами, упрощая витиеватость фраз (такой стиль вообще характерен для изложения книги), получается, что люди, изучая прошлое, проецируют полученные представления на современность, то есть, по сути, с помощью прошлого стремятся понять современность. Но ведь между пониманием и *оправданием* очень тонкая грань: вспомним Гегеля – «*все действительное разумно, все разумное действительно*». Или: раз мы установили, что прошлое было именно **таким, то и выросшее из него настоящее должно было быть именно таким, каким мы его видим!** Так разве это не оправдание современности – она такая, какой формировалась в прежние времена. Кстати, по моему, **именно такое понимание итогов исторических процессов позволяет верифицировать, устанавливать достоверность наших знаний о прошлом**, ведь их не проверить экспериментально (модные ныне исторические реконструкции – не более чем театр и литературщина).

Я так скрупулезно отреагировал на вступительный абзац книги, ибо он действительно концептуален. Авторы, очевидно, склоняются к распространившемуся теперь среди историков скепсису о том, насколько адекватно мы понимаем прошлое, а если к этому есть вопросы, то вся история действи-

тельно «сон историка» (Ф. Бродель). Хотя он, очевидно, имел в виду субъективизм интерпретаций. К самим же добываемым фактам, как известно, он относился с доверием. И следуя своей логике, авторы постарались представить историю на примере конкретного региона методом синхронизации событий на всем его пространстве.

Собственно, подход не нов. Даже при написании школьных учебников по истории из-за необходимости сжимать текст часто рассматриваются не страны, а именно регионы с подборкой наиболее значимых (для авторов) событий. Насколько такой подход позволяет «просветить» учеников, зависит уже от учителей, т.е. интерпретаторов. Или вспомним *синхронистические хронологические таблицы* в учебниках (сам их составлял для студентов). В университетских пособиях также отдельные темы преподносятся компаративно: например, средневековый город в Европе, культура. Но в анализируемой книге авторы такой подход распространили на все изложение, перекоив привычные границы и карты. Позволило ли это лучше понять происходившее?

Далее объясняется специфика выбранного региона, где сложились особые формы самоорганизации общества. Авторы определили своей задачей выявить внутреннюю логику этой самоорганизации, раскрытие ее гетерогенности. Для этого, пишут они, выработали новый язык, позволяющий отойти от привычных форм исторического изложения. Насколько им это удалось?

Первое, что заметно уже с оглавления, – стремление рассматривать материал по возможности целиком, определяя общие черты исторических процессов на отдельных территориях, связать их общими, как сейчас принято говорить, *смыслами*. В рамках такого подхода изложение начато с общей характеристики, что вполне естественно. На 8 страницах делается попытка дать общий абрис региону в I тыс. н.э., т.е. времени, когда здесь стали формироваться основные государства. Но уже на этих страницах проявилось противоречие применяемого метода: для специалистов все известно, а для менее подготовленного читателя, не владеющего конкретикой, – сложно.

Эти же комментарии можно отнести и к параграфу о *феномене ранней государ-*

ственности. Излагаются некоторые, по мнению авторов, ключевые причины появления государств в контексте противостояния оседлого населения кочевникам. Но ведь на западе региона после гуннов консолидация в ранние государства происходила без влияния степняков. Поскольку следующий параграф посвящен хазарскому каганату, читатель, очевидно, готовится к восприятию сложения государственности в Восточной Европе.

Но если следовать хронологии, логично было бы начинать с римского лимеса, где государственность стала самоорганизовываться на основе сочетания (синтеза) германских и позднеантичных традиций. Но этот регион отнесен к концу главы.

Вернемся к хазарам. Известная крайняя ограниченность источников делает рассуждения авторов об устройстве их общества весьма умозрительным и несколько модернизированным. Этому образованию приписываются черты, которые сложно обосновать фактами. Скорее, в Хазарии можно видеть сложное (компаундное) вождество с разными социальными и этнорелигиозными стратами. По тексту же складывается представление о достаточно хорошо организованном государстве. Впрочем, вероятно, материал о хазарах и булгарах представлен как подготовка читателя к специфике формирования восточнославянской государственности.

Далее следует общий абрис процессов, происходивших во второй половине I тыс. н.э. в Южной и Западной Европе. Выделены некоторые черты византийского общества в контексте действий арабов как внешнего фактора, и делается переход к опыту Каролингов. Их территорию авторы относят к «неисторическим». Так ведь, в принципе, весь регион, кроме его южной кромки, были именно таким.

Понимаю, что такой пересказ упрощает рассматриваемый текст, который требует внимательного чтения «с карандашом». Но могу оправдаться тем, что понять авторскую логику можно лишь подготовленному историку. Иному читателю сначала надо проштудировать любой учебник, а потом с ним в руках проработать данный текст, оценивая аргументированность авторских интерпретаций истории региона. Отбор

же конкретных фактов выглядит довольно произвольным, хотя сами интерпретации – интересными и вполне допустимыми.

Вторая глава посвящена Руси – *Роусьской земле* (термин обозначающий сложную этнополитическую организацию, созданную скандинавскими дружинниками по пути «Из варяг в греки»). Авторы считают этот термин аутентичным и отличающимся от *разных версий Руси поздних времен*, что вполне приемлемо. Добавим, что нечто похожее используют и современные украинские историки и публицисты, чтобы отличить «Древнюю Русь» от «Московской». Особенности сложения *этой* Руси авторы уделяют значительное внимание, стараясь представлять материал не в традиционном комментированном пересказе основных событий, а в виде рассмотрения причин происходивших процессов. Для подготовленного читателя это интересно. Вполне справедливо возникшее политическое образование названо *конфедерацией*, что точнее, чем традиционные *Киевская* или *Древняя Русь*.

Правда, называть скандинавских дружинников *приглашенными правителями конфедерации славяно-финских племен* едва ли корректно (с. 108). Появились скандинавы в Восточной Европе в силу своих внутренних потребностей, но, как и в Нормандии, и в Южной Италии, оказались объединителями земель под своей властью. Также и называть *государством Роусь* времен Олега и Игоря едва ли уместно (с. 112 сл.). Все-таки это – в понятиях политической антропологии, что отмечалось выше – вождество. Вероятно, государство начиналось, все таки, с деятельности Ольги. Хотя насколько ее действия были осознанными, а не ситуативными – вопрос спорный, которому авторы посвящают отдельный параграф (с. 117–126). Деяния княгини подробно анализируются; особенно хороши сопоставления со Святославом – типичным позднепервобытным вождем и, добавлю от себя, как сейчас иногда пишут, «паханом» своих сподвижников-авантюристов. Даже приведенный его внешний вид это подтверждает. Насколько знаю, в русской литературе такие характеристики сына Ольги не распространены, но это – правда! Следовательно, нелепая смерть Святослава и стала вехой в тогдашней истории

Поднепровья. Владимир, опять-таки неясно, интуитивно или осознанно продолжил дело своей бабки по формированию государственных структур и порядков (как мы их теперь называем). Вероятно, как и в случае с Ольгой, сказывалось влияние Византии через христианство (монахов-советников). Также, заметим, это происходило у франков при Хлодвиге (о котором почему-то авторы не вспоминают), при Мешко – у поляков, при Борисе – у болгар. Кстати, такие параллели в контексте данной книги были бы вполне уместны.

Далее подробно анализируется, подчеркиваю, *не описывается*, а именно *анализируется* превращение власти вождей в государственную. В этом контексте авторы возвращаются к «древлянскому» эпизоду Ольги. Хотя, представляется, ее действия связаны скорее с традициями кровной мести. Но в соответствующем контексте они способствовали формированию новых порядков. Ведь, замечу, государственность возникает не спонтанно, а как совершенствование уже существовавших структур. И возникали государства именно в тех сообществах, которые могли преодолевать родовые традиции. И укреплялись такие ранние государства именно за счет менее социально и политически развитого окружения. В этом смысле консервативно устроенные древляне проиграли надплеменной организации – киевской дружинной корпорации.

Затем подробно анализируется процесс формирования «Киевской Руси». Затрагивается проблема кругозора и культурных представлений элиты, особенно Владимира как ключевого элемента процессов. Подчеркивается полиэтничность образованной *политики*, в чем она противопоставляется империи Карла Великого. Хотя последняя тоже была не монолитной в этом смысле, объединив многие племенные союзы, пусть и германские в основе, но в разной степени романизированные (кроме саксов). Так что не прямая, но косвенная параллель тут прослеживается.

Кстати, в следующем параграфе авторы справедливо замечают, что к получившемуся образованию лучше подходит термин не *империя*, а *содружество*, где, хотя и с оговорками, но преобладал принцип относительной добровольности, и не было жесткой подчиненности. Этот термин, вспо-

ним, применялся некоторыми авторами и к Византии (Д.Д. Оболенский).

Далее, в таком же ключе подробно, с отступлениями, анализируется и развитие *Роусской земли* в XI–XIII вв. (с. 163–191). Затем авторы переходят к рассмотрению происходившего в соседней степи, к процессам накопления потенциала, изменившего в дальнейшем историю Восточной Европы (с. 192–222). Анализ этот, естественно, тесно переплетен с тем, что происходило в *роусских* княжествах.

Затем следует обращение к другому соседу Руси – Литве (с. 223–242). Основное внимание уделено взаимоотношениям с ближайшими древнерусскими княжествами. Подчеркивается взаимная заинтересованность элит и вполне мирная интеграция. Хотя и признаются факты взаимных грабежей, разорений и угона «в полон». И все это – в контексте появления крестоносцев. Здесь прослеживается стремление к максимальной объективности, что, пожалуй, становится трендом современной российской историографии, возможно, под влиянием «национально ориентированных» публикаций в Беларуси и Украине. Но едва ли правомерно писать о становлении в начале XIII в. *двух королевств – Литовского и Роуського*, имея в виду Литву Миндовга и Галич Даниила (с. 255–258). Если в *роусских* землях уже существовали вполне оформленные раннегосударственные формы, то эпоха Миндовга – все-таки повторю – вождество. Аргумент – отсутствие легитимации его власти в глазах литовской знати, что выразилось в последующем его свержении и борьбе за власть, которая в итоге была признана за Гедимином и его сыновьями. Вот именно от Гедиминовичей, как отмечалось выше, полагаю, следует и вести отсчет литовской государственности!

Дальнейшее изложение про *Роусские земли* в составе Орды – то, что в последние время стало распространенным термином *Русь как улус Золотой Орды* (с. 261 сл.). И в этом нет ничего зазорного для русской истории, ибо отношение типичного не только для средневековья вассала и сюзерена – налицо. Здесь же параллельно рассматривается Великое Литовское и Галицко-Волынское княжества. Описание событий и комментарии воспринимаются как

единый текст. Хотя, естественно, это для подготовленного читателя.

И в контексте происходивших процессов авторы начинают рассмотрение возвышения Москвы с ее последующим освобождением от ордынской власти (с. 281–298 и далее). Изложение все в той же аналитической форме вводит в сложные, многоплановые политические процессы того времени. Приведение адаптированных отрывков из аутентичных источников, как и в предыдущих главах, позволяет «расцветить» сложность происходившего. В итоге из массы событий и казусов формируется представление об исторической логике происходившего, приведшего к гегемонии Москвы над регионом при восприятии ею восточной авторитарной модели. Гегемония эта выростала постепенно, как существенный цивилизационный признак, что естественно в тех условиях.

Дальнейшей историй Московского государства посвящены пятая и последующие главы книги. Здесь авторы переходят уже почти исключительно к российской истории. Сопоставления с соседними землями носит в основном иллюстративный характер, и на этом в своих заметках остановимся. Хотя отметим, что и в рассмотренных главах сравнительный подход касался лишь более восточных соседей *Росси*. Западная часть Евразии рассматривалась не системно, а частными вкраплениями, что, в общем-то, сближает данную книгу с рассмотренной выше «Историей России», не претендовавшей на историю более расширенную, чем российскую, что провозгласили авторы «Новой имперской истории...».

Подытоживая, «Новая имперская история Северной Евразии» тоже не стала примером новых подходов, в отличие, например, от «Истории Европы» Н. Дэвиса [6]. Но, в принципе, если усидчивый читатель прочтет рассмотренные в данных заметках книги именно в представленной последовательности, у него действительно сложатся вполне адекватные знания о российской истории, что само по себе оправдывает труд авторов.

Список литературы

1. Голубеў В.Ф. Сельская абшчына Беларусі XVI–XVIII стст. Мн., 2008.
2. Григорьев А.В. Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Тула, 2000.
3. Григорьев А.В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н. э. Тула, 2005.
4. Гудавичюс Э. История Литвы. Т. 1. С древнейших времен до 1569 года / Э. Гудавичюс. М., 2005.
5. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому / Н.Я. Данилевский. СПб., 1995.
6. Дэвис Н. История Европы. М., 2006.
7. История крестьянства в Европе. Т.1. М., 1985.
8. История Литвы. Вильнюс, 2013.
9. История России в 4-х томах. Т.1. Генезис и эволюция русской государственности (до конца XVII века). М., 2018.
10. Косвен М.О. Семейная община и патрионимия. М., 1963.
11. Новая имперская история Северной Евразии. Т.1. Конкурирующие проекты самоорганизации VII–XVII вв. М., 2017.
12. Риер Я.Г. К проблеме социального развития раннесредневековой Восточной и Центральной Европы: сравнительный анализ археологических данных. Российская археология. 1996. № 1.
13. Риер Я.Г. Аграрный мир Восточной и Центральной Европы в средние века по археологическим данным. Могилев, 2000.
14. Риер Я.Г. Локальные цивилизации средневековья: генезис и особенности. Могилев, 2016.
15. Риер Я.Г. Этапы образования Литовского государства на фоне исторического развития Европы в I – начале II тыс. н.э.: природно-географические и социальные факторы. Вялікае княства Літоўскае: палітыка, эканоміка, культура. Мн., 2017.
16. Щавелев А.С. «Племена» восточных славян: этапы завоевания и степень зависимости от державы Рюриковичей в X в. Русь эпохи Владимира Великого и: государство, церковь, культура. М.; Вологда, 2017.
17. Jankuhn H. Einführung in die Siedlungsarchäologie / H. Jankuhn. Berlin-New York, 1977.